

ВАЛЕНТИН ПАНОВ

ХАКЕР В ЗОНЕ ВЕТРЫ ПРИПЯТИ

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Ветры Припяти

<https://litres.ru/74593784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хакер по прозвищу Тор не ворует — он открывает двери. За хорошие деньги и без лишних вопросов. Но последний заказ оказался ловушкой: через открытую им дверь кто-то вошёл, и теперь на Торе висит чужое убийство, а по следу идут и полиция, и люди, у которых денег больше, чем у полиции.

Бежать некуда, кроме Зоны.

Чернобыльская Зона отчуждения — единственное место, куда не дотянется ни один ордер. Аномалии, мутанты, Выбросы и сталкерская сеть, в которой после каждого Выброса начинают писать мёртвые. Для бывшего спецназовца, восемь лет просидевшего за клавиатурой, это противник, к которому его никто не готовил. Но Зона — тоже система. А у любой системы есть дыры и те, кто её написал.

Чем дальше Тор уходит от Периметра, тем яснее понимает: его сюда не загнали. Его позвали. Кто-то ждёт его у саркофага Станции — и кто-то очень не хочет, чтобы он туда дошёл.

Динамичный сталкерский боевик с детективной линией. Первая книга цикла.

Содержание

Часть первая. Периметр	4
Глава 1. Нулевой день	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валентин Панов

Хакер в Зоне: Ветры Припяти

Часть первая. Периметр

Глава 1. Нулевой день

Деньги пришли в четыре семнадцать утра.

Я люблю это время. Город уже перестал притворяться, что спит, но ещё не начал притворяться, что работает. Внизу, четырнадцатью этажами ниже, мусоровоз гремел баками, на кухне остывал третий кофе, а на экране висела строчка с суммой, на которую можно было год жить у тёплого моря и ни разу не открыть ноутбук.

Я, конечно, собирался открыть. Но приятно знать, что можешь этого не делать.

Строчку я рассматривал секунд десять. Потом закрыл окно и занялся тем, чем занимаюсь после каждого заказа: уборкой. Это скучная часть профессии, про неё не снимают кино. В кино человек в капюшоне лупит по клавишам, по экрану бегут зелёные буквы, и через сорок секунд он говорит: «Я

внутри». В жизни ты три недели готовишься, двадцать минут работаешь, а потом полночи подметаешь за собой, как официант после чужой свадьбы.

Меня зовут Тор. В паспорте написано другое, но паспортов у меня четыре, и ни одному из них я не верю. Прозвище прилипло ещё в школе, и скандинавский бог с молотком тут ни при чём. Есть такая сеть, где тебя заворачивают слой за слоем, как луковицу, и на выходе уже никто не скажет, откуда ты пришёл. Я в ней тогда жил. Наружу выходил только в зал, на рукопашку: мать считала, что мальчику нужен спорт, а тренер — что мальчику нужно меньше умничать.

Потом была армия, и прозвище стало позывным. В группе специального назначения связисту с именем бога-громовержца обрадовались как родному. Молоток, правда, так и не выдали.

Сразу о главном, чтобы не было иллюзий. Я не ворую. Не шантажирую, не опустошаю чужие счета, не торгую чужими фотографиями. Не потому что святой, а потому что это другая специальность, и люди в ней живут недолго и некрасиво. Я открываю двери. Кому-то нужно попасть туда, куда его не звали, — на сервер, в базу, в систему, которая решает, кого впускать, а кого нет. Он платит. Я делаю так, чтобы в нужный час дверь оказалась не заперта. Что он вынесет, меня не касается.

Правило у меня одно: не спрашивать, зачем клиенту дверь.

Хорошее правило. Восемь лет кормило.

Последний заказ пришёл через Диспетчера. Вживую я его не видел, голоса не слышал, и это меня полностью устраивало: за четыре года он ни разу не задержал оплату и ни разу не подsunул мне дурака. В нашем деле таких посредников берегут, как хорошего стоматолога.

Заказ был простой до обидного. Логистическая контора «Северный терминал»: возит грузы для серьёзных людей и держит пропускную систему на трёх десятках объектов — склады, офисы, пара охраняемых жилых комплексов. Клиенту требовалось, чтобы в ночь со вторника на среду одна машина и один пропуск считались там своими. Одна машина, один пропуск, одна ночь. Утром всё возвращается как было, и никто ничего не замечает.

Я тогда подумал: кто-то хочет вывезти со склада то, что по бумагам вывозить нельзя. Обычная история. Серые грузы, откаты, чьи-то разборки с таможней. Скука.

Я ещё подумал, что за такую скуку платят слишком хорошо.

И не стал думать дальше. Правило.

К половине шестого я закончил уборку, выключил машину, вынул из неё всё, что положено вынимать, и разложил по местам. Рабочую квартиру я снимал на чужое имя и на месяц; оставалось девять дней, и я рассчитывал провести их так, как положено человеку с такой строчкой на счету. То есть спать.

Я лёг и провалился сразу, без снов.

Разбудил меня телефон. Не рабочий — тот молчит, пока я сам его не спрошу, — а обычный, гражданский, который знает прогноз погоды и курс валют. Он коротко зажужжал на подоконнике. Десять сорок. За окном висело серое октябрьское небо, по стеклу ползла вода.

Я бы не стал смотреть. Но он зажужжал ещё раз.

Новостная лента. Из тех заголовков, которые суют всем подряд, потому что в них есть слово «убийство».

«Аудитор Периметральной администрации найден мёртвым».

Я прочитал заголовок и ничего не почувствовал. Периметр — это далеко. Это Зона, колючка, блокпосты, международные комиссии и бюджеты, которые пилят такие люди, с которыми я стараюсь не пересекаться даже в сети. Какое мне дело до аудитора.

Потом я прочитал текст.

Олег Сарычев, сорок шесть лет, старший аудитор, готовил доклад для наблюдательного совета. Ночью покинул охраняемый жилой комплекс на служебной машине. Машина въехала на территорию и выехала по действующему пропуску, охрана ничего не заподозрила. Тело нашли утром в лесополосе за кольцевой. Комплекс обслуживает частная компания, название в интересах следствия не раскрывается.

Мне его раскрывать было не нужно.

Одна машина. Один пропуск. Одна ночь.

Я сел на кровати. Очень хотелось найти объяснение, в котором я ни при чём, и голова услужливо подсунула сразу три. Совпадение. Другой комплекс. Другая контора, мало ли в городе охраняемых домов. Я даже успел в одно из них поверить — секунды на полторы.

Потом встал и пошёл проверять.

Первым делом — Диспетчер. У нас был канал на случай, если что-то пошло не так. За четыре года я не воспользовался им ни разу. Сейчас я отправил туда одно слово и стал ждать.

Канал не ответил. Не «абонент занят», не «прочитано». Канала не было. На том месте, где четыре года жил мой посредник, осталась ровная пустота, как на стене, с которой сняли картину.

Вот тут мне стало холодно.

Диспетчер не исчезает просто так. Диспетчер исчезает, когда заказ был последним — и не для него.

Я включил запасную машину, которую держу для чтения, а не для работы, и посмотрел на «Северный терминал» снаружи, как смотрел бы любой любопытный прохожий. Внутрь не полез — туда сейчас смотрело слишком много людей в погонах. Но мне и не понадобилось.

Понимаете, после себя я подметаю хорошо. Это не хвастовство, это техника безопасности. После меня в системе остаётся то, что было до меня, и ни крошкой больше.

А там было больше.

Там лежали следы. Чёткие, жирные, как отпечатки ботинок на свежем бетоне. Время входа, цепочка адресов, обрывки инструментов. Кто-то прошёл за мной и аккуратно, со знанием дела, разложил всё, что я убрал. Нет, не так. Он разложил то, что выглядело в точности как моё: мой порядок действий, мои привычки, даже мою манеру называть временные файлы, за которую меня когда-то дразнили.

Следовательно не придётся напрягаться. Ему оставили дорожку из хлебных крошек шириной с проспект, и вела она не к Диспетчеру, не к клиенту и не к тем, кто сидел в машине. Она вела сюда. На четырнадцатый этаж.

И ещё одно. Я это заметил сразу, но думать об этом не стал — отложил, как откладывают письмо из налоговой.

Почерк был знакомый.

Не мой. Похожий на мой, как бывают похожи почерки у людей, которые учились писать за одной партой. Я знал, чей он. Точнее, знал, чей он мог бы быть, если бы человек, о котором я подумал, не пропал два года назад.

Я тогда не понял. Или не захотел понять. Времени на это всё равно не оставалось.

Потому что загудел лифт.

В доме двадцать этажей, лифт гудит каждые три минуты, и в любой другой день я бы его не услышал. Но над дверью моей квартиры, в коробке от дешёвого датчика дыма, сидит камера размером с пуговицу. Я ставлю такую везде, где ночую дольше двух раз. Привычка. Кода говорила — паранойя.

Кода много чего говорила.

Я вывел картинку на экран.

Лифт открылся. Вышли четверо.

Про полицию я кое-что знаю, профессия обязывает. Полиция приходит в форме или хотя бы с лицами людей, которые имеют право. Полиция шумит на лестнице, расставляет своих у пожарного выхода и, главное, звонит в дверь. Иногда очень громко, иногда ногой, но звонит.

Эти не шумели.

Четверо мужчин в гражданском, одинаково никаких: тёмные куртки, спортивные сумки, такие лица забываешь, ещё не отвернувшись. Двое встали по бокам от моей двери, вплотную к стене. Третий присел у замка и достал из сумки что-то, чего я не разглядел. Четвёртый остался у лифта, придерживая створку ногой. Ни слова, ни жеста. Они делали это не в первый раз. Я знал, как это называется и где этому учат. Сам когда-то стоял вот так у чужой двери, только с другой стороны от замка.

Тот, что у замка, поднял голову и посмотрел в датчик дыма. Прямо в объектив.

И закрыл его ладонью.

Экран погас.

Дальше работала не голова. Восемь лет я просидел за клавиатурой, но есть вещи, которые вбивают один раз и навсегда: сначала уходишь, потом думаешь. У каждой норы должен быть второй выход, это я усвоил раньше, чем научился

открывать чужие двери. Рюкзак стоял в шкафу в прихожей: документы, наличные, одноразовый телефон, смена белья. Собран три года назад, пересобирается раз в полгода, ни разу не понадобился. Я схватил его, сунул ноги в ботинки не зашнуровывая, сдёрнул с вешалки куртку.

От двери шёл звук. Тихий, деловитый, металлический.

Ноутбук остался на столе. Жалеть было не о чем: всё, что в нём стоило жалеть, умерло бы раньше, чем его донесли бы до специалиста. Телефон с новостями я оставил на подоконнике, пусть рассказывает им про погоду.

Балкон. Четырнадцатый этаж, мокрый бетон, ветер в лицо. Справа, за перегородкой из крашеного железа, соседский балкон. Сосед уехал на заработки ещё летом, его квартира стояла пустая, и ключ от неё лежал у меня в рюкзаке с того дня, как я сюда въехал. Я же говорю: привычка.

Про перегородку я знал три вещи. Что она держится на четырёх болтах. Что два я выкрутил в первый же вечер. И что вниз смотреть нельзя.

Я посмотрел вниз.

Двор, детская площадка, мокрые крыши машин. Очень маленькие.

За спиной, в квартире, щёлкнул замок.

Перегородку я отогнул плечом, протиснулся, ободрав куртку, и оказался среди чужих лыж и банок с краской. Балконная дверь, тёмная комната, запах пыли и нежилого жилья. Через стену слышались шаги — быстрые, мягкие, в

несколько пар ног. Голосов не было.

Соседская квартира выходила в другой подъезд. Ради этого я её и выбирал.

Лестница. Четырнадцать этажей вниз пешком, потому что лифт — это коробка, в которой тебя привозят куда надо не тебе. Шёл через ступеньку, на поворотах придерживаясь за перила, и дыхание держалось ровно. От армии у меня осталось немного: шрам на голени, нелюбовь к вертолётам и привычка бегать по утрам, которую я так и не сумел бросить. Сейчас я был ей благодарен. На втором этаже остановился, завязал шнурки и заставил себя досчитать до десяти.

Из подъезда нужно выйти спокойно. Человек, который бежит, запоминается. Человек с рюкзаком, который идёт под дождём, втянув голову в плечи, — это просто человек с рюкзаком.

Я вышел.

Двор был пуст. У соседнего подъезда — у моего — стоял тёмный микроавтобус с заляпанными номерами. Двигатель работал. За рулём кто-то сидел, но смотрел он на подъездную дверь, а не на меня.

Я повернул в другую сторону и пошёл к арке. Не быстро. Не медленно. Двадцать шагов. Десять. В арке пахло сыростью и кошками, и никогда ещё этот запах не казался мне таким родным.

На улице я позволил себе выдохнуть. Мимо шли люди с зонтами, ехал трамвай, в окне пекарни девушка расклады-

вала булки. Обычная среда. Никто из них не знал, что у меня больше нет квартиры, посредника, профессии и, судя по всему, имени — ни одного из четырёх.

План был простой, я составил его три года назад вместе с рюкзаком. Вокзал, пригородная электричка, дальше на перекладных. Наличных хватит недели на три.

И тут в рюкзаке завибрировал одноразовый телефон.

Я остановился посреди тротуара. Меня толкнули, обругали, обошли.

Этот телефон я купил за наличные в переходе, в другом городе. Он ни разу не включался в сеть рядом со мной. Его номера не знал никто. Не «почти никто», не «только свои» — никто, включая меня самого: я его не запоминал.

Я достал его. Пальцы слушались плохо.

Одно сообщение. Номер отправителя не определён.

«Не на вокзал, Тор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.